

«НЕ УБОЮСЬ ОХРАНЯТЬ ЗАКОНЫ»

Генерал-прокурор
Иван Иванович
ДМИТРИЕВ

СЛУЖБА И ТВОРЧЕСТВО

Иван Иванович Дмитриев родился 10 сентября 1760 г. в селе Богородском Симбирской губернии в старинной дворянской семье, культурной и богатой. В родовом поместье он получил свое начальное образование. В семилетнем возрасте родители отправили его в Казань, к деду (по матери) отставному полковнику Афанасию Алексеевичу Бекетову. Здесь началось его обучение в частном пансионе француза Манжена, где уже находился и старший брат, Александр, будущий офицер и литератор. Учение сводилось к постижению азов французского языка, арифметики и рисованию.

Через год дед переехал жить в Симбирск. Там мальчики стали учиться в пансионе француза Кибрита. Преподавание здесь было более основательное: французский и немецкий языки, русское правописание и слог, история, география, математика. Об этом периоде своей жизни Дмитриев впоследствии вспоминал: «Кибрит был очень мил в обращении с нами: во время уроков часто давал нам отдыхать, позволял предлагать ему вопросы; всегда охотно отвечал на них и сообщал между тем какие-либо полезные сведения; в детстве мы обыкновенно прельщаемся воинским нарядом: он объяснял нам обязанности чинов, рассказывал иногда военные анекдоты и знакомил нас с отличными того времени полководцами. Я любил и слушать его, и ему повиноваться. Никакой урок его не был мне в тягость. Особенно же я охотно занимался историческим, и сочинением писем по его темам».

В 1770 г. отец забрал братьев из пансиона, и они стали обучаться дома. У отца Дмитриева была хорошая библиотека. Там мальчик мог взять любую книгу и часами читать ее. Здесь было все, вплоть до указов Петра I и Екатерины II. С интересом вслушивался он и в вечерние разговоры в гостиной, которые протекали тогда во время любимой старинной карточной игры — ломбером или же ужина. Говорили обычно об искусстве и поэзии, политике и военных подвигах. «Таким образом, еще на двенадцатом году моей жизни, — писал Дмитриев, — я набирался сведениями для меня небесполезными».

В 1772 г. Иван Иванович и его брат были записаны солдатами в гвардейский Семеновский полк и «уволены в отпуск до совершенного возраста». Во время Крестьянской войны под предводительством Емельяна Пугачева Дмитриевы покинули Симбирск и временно переехали в Москву.

Когда опасность миновала, мать с младшими детьми возвратилась в Симбирск, а Иван и Александр в мае 1774 г. отправились в Петербург, в Семеновский полк. Их определили в полковую школу, и они стали проживать в низеньком солдатском домике.

В январе 1775 г. молодой солдат Иван Дмитриев оказался очевидцем казни Емельяна Пугачева. Об этом Дмитриев позднее подробно написал в своих воспоминаниях «Взгляд на мою жизнь».

Вскоре после этих событий родственники выхлопотали ему чин фурьера и годовой отпуск. В 1776 г. он был произведен в унтер-офицеры. Началась скучная, очень тяготившая Дмитриева, служба: строй, плац-парады, караулы... Первые стихотворные опыты Дмитриева относятся к 1777 г. Тогда же Н.И. Новиков в издаваемых им «Санкт-Петербургских ученых ведомостях» (№ 15) поместил его стихотворение «Надпись к портрету князя А.Д. Кантемира». Большое влияние на творческое созревание Дмитриева оказал подпоручик Семеновского полка Федор Ильич Козлятев. По выражению Дмитриева, беседы молодых офицеров были для него «училищем изящного и вкуса».

В последующие годы Дмитриев публикует свои произведения в периодических изданиях: журнале «Утро», газете «Утренние часы» и других. Однако успех долго не приходил к нему.

В 1783 г. Дмитриев познакомился и близко сошелся с Н.М. Карамзиным (своим дальним родственником). Благодаря ему молодой поэт принял, по собственному признанию, за «усовершенствование в себе человека».

Особую роль в становлении поэтического таланта Дмитриева оказало знакомство с Гавриилом Романовичем Державиным, состоявшееся в 1790 г. В доме маститого поэта он встретился и познакомился со всеми знаменитыми писателями и поэтами того времени: Д.И. Фонвизиным, И.Ф. Богдановичем, Н.А. Львовым, В.В. Капнистом и другими.

В 1790-х г. поэтическая звезда Дмитриева заблистала во всем своем великолепии. Один за другим появляются в печати его стихи, оды, сатиры, басни, стихотворные сказки. Чрезвычайно популярными стали его сказки в стихах: «Модная жена», которую В.Г. Белинский считал родоначальницей жанра «повести в стихах», «Причудница» и другие. Пользовались большим успехом его басни, эпиграммы, пародии, мадригалы и прочие поэтические «мелочи». Многие лирические стихи Дмитриева были положены на музыку и стали модными романсами. Особенно нравились

публике песни на его слова: «Стонет сизый голубочек» (часто исполняется и в наше время), «Видел славный я дворец...», «Ах, когда б я прежде знала...», «Пой, скачи, кружись, Параша».

В 1795 г. Дмитриев издал свой первый поэтический сборник, получивший название «И мои безделки», а в 1796 г. — «Карманный песенник, или Собрание лучших светских и простонародных песен», куда кроме фольклорных песен он включил свои произведения, а также песни Г.Р. Державина, А.П. Сумарокова, Ю.А. Нелединского, Н.П. Николаева, П.М. Карабанова и других поэтов.

Середина 1790-х гг. наиболее благоприятна для Дмитриева. Его произведения завоевали большую популярность; на службе он уверенно продвигается в чинах. В январе 1796 г. Дмитриев, получив чин капитана гвардии и взяв годовой отпуск, намеревался выйти в отставку, чтобы полностью отдаться творчеству. Но вскоре произошло событие, круто изменившее его жизнь.

«В МИНУТУ ИСПЫТАНИЯ»

В ноябре 1796 г. умерла императрица Екатерина II. Дмитриев, прервав отпуск, вернулся в полк. Ему удалось получить долгожданную отставку. В приказе от 17 декабря 1796 г. отмечалось: «Семеновскому полку капитан Дмитриев I-й уволен в отставку с награждением чина полковника и со все милостивейшим позволением носить мундир». Теперь можно было спокойно устраивать свои поэтические дела. Однако обстоятельства распорядились иначе.

25 декабря 1796 г., в день Рождества Христова, утром, Дмитриев лежал на кровати и читал книгу. Его двоюродный брат, офицер Иван Петрович Бекетов, собирался на парад войск, который должен был состояться перед дворцом. Он с завистью проговорил: «Вот, право, счастливец! Лежит спокойно, а мы будем мерзнуть на вахт-параде!»

Дмитриев отшутился, и Бекетов вышел из комнаты. У наружных дверей он неожиданно увидел часового. Это его удивило, и он хотел вернуться назад. Его не пропустили. Почти тотчас у дома остановилась карета. Из нее вышел полицмейстер Чулков. Войдя в комнату, он спросил Ивана Ивановича: «Вы ли отставной полковник Дмитриев?» Получив подтверждение, Чулков сказал, что его срочно требуют к императору Павлу I. Дмитриев хотел одеться по всей форме: сделать букли, косу, напудриться, но Чулков ска-

Павел I

зал, что этого делать не следует. Тогда Дмитриев, наскоро накинув мундир, прошел вместе с полицмейстером к карете, успев только шепнуть слуге: «Скажи братьям». Через некоторое время полицмейстерская карета остановилась напротив дворцового подъезда. Чулков вышел. Дмитриев остался в карете и осмотрелся. На дворцовой площади в самом разгаре был вахт-парад.

Отставному полковнику недолго пришлось ломать голову над вопросом: «Что же означает это происшествие?». Вскоре вернулся Чулков, и они прошли во дворец. Здесь Дмитриев увидел своего сослуживца Лихачева, тоже приведенного в сопровождении полиции. Молодые люди бросились друг к другу с одним и тем же вопросом: «Не знаешь ли, за что?» И оба в недоумении пожимали плечами.

Во дворце было множество народа: военные, статские, духовные, придворные... Император сидел в своем кабинете в окружении великих князей, членов императорской семьи и самых близких сановников. Павел I сам разъяснил дело. Он сказал, что неизвестный человек оставил у будочника письмо на его имя, в котором сообщается, что полковник Дмитриев и штабс-капитан Лихачев «умышляют» на его жизнь. После этого Павел I зачитал донос.

Дмитриев и Лихачев молча переглянулись. Затем император сказал: «Имя не подписано, но я поручил военному губернатору Архарову отыскать доносителя. Между тем я отдаю вас ему в руки. Хотя мне и приятно думать, что это клевета, но со всем тем, я не могу оставить такого случая без уважения. Впрочем, — прибавил он, — я сам знаю, что государь такой же человек, как и все; что он может иметь и слабость, и пороки; но я так еще мало царствую, что едва ли мог успеть сделать кому-либо какое зло, хотя бы и хотел того». Помолчав немного, император заключил: «Если же хотите, чтоб меня только не было, но надобно же кому-нибудь быть на моем месте, и дети мои еще так молоды».

В своих воспоминаниях Дмитриев писал: «При сем слове великие князья бросились целовать его руки. Все заколебалось и зашумело: генералы и офицеры напирали и отступали, как прилив и отлив, и целовали императора, кто в руку, кто в плечо, кто ловил поцеловать полу».

Арестованных Дмитриева и Лихачева доставили в дом военного генерал-губернатора Петербурга Николая Петровича Архарова. Он обошелся с ними весьма любезно и даже пригласил их обедать за свой стол. Несмотря на такой прием, Дмитриев и Лихачев провели три дня в томительном ожидании. Участь их была неизвестна.

Архаров ранее служил московским обер-полицмейстером и по праву считался лучшим сыщиком, мастером раскрытия самых запутанных преступлений. Его порой сравнивали со знаменитым парижским полицмейстером Габриэлем де Сартиня. Человек сметливый и опытный, он сразу же заподозрил, что это дело рук кого-нибудь из прислуги. Поэтому Архаров приказал забрать и пересмотреть все бумаги слуг не только Дмитриева и Лихачева, но и их родственников, тщательно обыскать их самих и принадлежащую им одежду. В сюртуке кармана одного из слуг двоюродного брата Лихачева (с ним Дмитриев не был даже знаком) найдено было письмо, заготовленное к родителям. В нем он писал, что в столице распространился слух, будто вскоре всем крепостным крестьянам предоставят свободу. После

этого добавил, что если слухи не подтвердятся, то он «надеется получить вольность и другою дорогою». Почерк этого письма был схож с почерком полученного императором доноса.

Архаров немедленно арестовал и допросил слугу. Тот ни в чем не признался. Однако допрошенный ранее младший брат доносителя рассказал генерал-губернатору, что недавно застал своего брата за составлением какого-то письма, где был «прописан» императорский титул. Когда же он из любопытства стал заглядывать через плечо, то старший брат ударил и оттолкнул его. Это же подтвердила и их хозяйка.

О результатах следствия Архаров доложил императору и тот приказал, несмотря на запирательство слуги, отдать его под суд уголовной палаты.

Дмитриева и Лихачева опять привезли к Павлу I. Император и на этот раз принял их в присутствии всего своего генералитета. Он сказал: «С удовольствием объявляю вам, что г. полковник Дмитриев и штабс-капитан Лихачев нашлись, как я ожидал, совершенно невиновными; клевета обнаружена, и виновный предан суду. Подойдите, и поцелуемся». Дмитриев и Лихачев подошли к руке; Павел I поцеловал каждого в щеку и пригласил к обеденному столу.

В своих записках «Взгляд на мою жизнь» Дмитриев писал по этому поводу: «Сколько я ни поражен был в ту минуту, когда внезапно увидел себя выставленным на позорище всей столицы, но ни тогда, ни после не восставала во мне мысль к обвинению государя; напротив того, я находил еще в таком поступке его что-то рыцарское, откровенное, и даже некоторое внимание к гражданам. Без сомнения, он хотел показать, что не хочет ни в каком случае действовать подобно азиатскому деспоту, скрытно и самовластно. Он хотел, чтобы все знали почему, за что взят под стражу сочлен их, а равно и причину его освобождения. По крайней мере, так я о том заключал, и от того-то, может быть, и сохранил всю твердость духа в минуту моего испытания».

В 1797 г. Дмитриев был приглашен в Москву на коронацию Павла I. Император «осыпал» его милостями и приказал своему сыну, великому князю Александру Павловичу (который, кстати, во время ареста Дмитриева поручился за него) спросить, чего он хочет. Дмитриев ответил: «Ничего, кроме спокойной жизни в отставке». Когда же Александр Павлович в третий раз настойчиво сказал

Алексей В. Куракин

ему: «Скажи что-нибудь, батюшка решительно требует», только тогда Дмитриев ответил, что желает поступить на статскую службу.

Вскоре после этого, 22 мая 1797 г. он был назначен на «хорошее место», одним из четырех товарищей министра департамента уделов, которым считался в то время генерал-прокурор А.Б. Куракин. Спустя три месяца, Дмитриева с чином статского советника переводят на новое место — обер-прокурором 3-го департамента Правительствующего сената. По словам Дмитриева, он не только не «домогался одного места», но еще до подписания указа говорил генерал-прокурору, что «отнюдь не заслуживает столь важного звания, в котором с первого шага должен быть не учеником, а учителем».

Отец Дмитриева, узнав о назначении, вместо приветствия пожурил сына, думая, что тот сам стремился стать обер-прокурором.

ЗА ОБЕР-ПРОКУРОРСКИМ СТОЛОМ

В своих воспоминаниях Дмитриев, касаясь того времени, когда он служил обер-прокурором, писал: «Отсюда начинается ученичество мое в науке законоведения и знакомство с происками, эгоизмом, надменностью и раболепством двум господствующим в наше время страстям: любостыжанию и честолюбию».

Дмитриев отмечал, что он «не без смущения» занял предложенный ему пост, думая прежде всего о важности своего нового звания — «блюстителя законов». По его мнению, это звание обязывало охранять законы от «умышленно кривых истолкований», «сносить равнодушно пристрастные толки и поклеп тяжущихся или подсудимых», противостоять иногда «особам, украшенным седидами, знаками отличий».

Службу на прокурорском поприще Дмитриев начал с того, что основательно изучил законы, которыми следовало руководствоваться в своей деятельности, познакомился с «внутренним положением» поднадзорного департамента, порядком ведения дел. Департамент, где служил он, был, по его выражению, «энциклопедическим». Именно сюда стекалось множество уголовных и гражданских дел из Малороссии, Царства Польского, Лифляндии, Курляндии, Эстляндии и Финляндии. Департаменту были подведомственны Юстиц-коллегия, полиция, почта. Сенаторы обязаны были следить за устройством дорог и водных сообщений, заниматься организацией работы школ и училищ. Работы было много, а для Дмитриева она была к тому же совершенно незнакома.

С первых же дней пребывания за обер-прокурорским столом Дмитриев стал активно отстаивать интересы законности. Это не всегда нравилось властолюбивым сенаторам. В то время в Сенате заседали такие важные вельможи, как граф А.С. Строганов, граф П.В. Завадовский, Г.Р. Державин, А.В. Храповицкий и другие, которые не привыкли, чтобы им противоречили. Дмитриев вспоминал: «Едва проходила неделя без жаркого спора с кем-нибудь из сенаторов, без невольного раздражения их самолюбия».

Стычки по службе случались у него даже с поэтическим наставником Г.Р. Державиным, которого Дмитриев «любил и уважал от всего сердца». «Благородная душа его, — писал Дмитриев, — конечно, была чужда корысти и эгоизма, но пылкость ума увлекала его иногда к решениям, требовавшим для большей осторожности других мер, некоторых изъятий или дополнений. Та же пылкость его оскорблялась противоречием, однако же, не на долгое время: чистая совесть его скоро брала верх, и он соглашался с замечанием прокурора».

К гражданской службе Дмитриев привыкал с трудом. По его словам, он «будто вступил в другой мир», для него новый и незнакомый и во многом чуждый. Здесь большей частью все старались строить свое благополучие «на расчетах своекорыстия», здесь господствовали эгоизм, заискивание перед начальством, обхождение зависело от наличия чинов и званий. Среди чиновничества не было той искренности, которую он встречал в офицерской среде; они, как писал Дмитриев, «ловили, помнили и передавали» любое неосторожное слово. Ко всему этому надо было привыкнуть.

Служба Дмитриева первое время продвигалась успешно. В 1798 г. «за отличие» он был произведен в действительные статские советники. Однако времени для творчества практически не оставалось. По этому поводу он писал: «Во все это время, находясь в гражданской службе, я уже не имел досуга предаваться поэзии. Притом же и сам хотел на время забыть ее, чтобы сноснее для меня было запутанный, варварский слог наших толстых экстрактов и апелляционных челобитен».

Время царствования Павла I, на которое пришлось обер-прокурорство Дмитриева, сопровождалось «крутыми переверотами во всех частях государственного управления». Наместничества дробились на губернии; законы Екатерины II, изданные для управления губерний, изменялись; уездные города превращались в посады; в войсках вводились новые уставы, новые чины и мундиры. Дмитриев писал, что это было время, когда «господствовавший в умах страх не мешал коварным царедворцам строить ковы (то есть козни — *Авт.*) друг против друга, выслуживаться тайными доносами и возбуждать недоверчивость в государе, по природе добром, щедром, но вспыльчивом. От того происходили скоропостижные падения чиновных особ, внезапные высылки из столицы даже и отставных из знатного и среднего круга, уже несколько лет наслаждавшихся спокойствием скромной, независимой жизни».

В таких условиях впечатлительный, честный и принципиальный поэт служить не захотел. Он занимал должность обер-прокурора немногим более двух лет. За это время ему пришлось работать с тремя генерал-прокурорами: А.Б.Куракиным, П.В. Лопухиным и А.А. Беклешовым. В своей книге «Взгляд на мою жизнь» он дал яркую характеристику этим государственным деятелям.

При Лопухине, например, ему пришлось исполнять обер-прокурорские обязанности по двум департаментам. В частности, по соглашению русского и прусского правительств Дмитриеву было поручено отобрать из так называемой «Польской метрики» все акты по той части Польши, которая при разделе отошла к Пруссии. Поручение оказалось очень трудным и ответственным и потребовало от него много времени, терпеливого чтения и большой осмотритель-

А.А. Беклешов

ности. Он успешно выполнил это задание и сдал документы чиновнику, специально прибывшему из Пруссии. Хотя Дмитриев и выполнил работу сверх своих основных обязанностей, Лопухин воспринял все это как должное и не удосужил своего подчиненного даже «ласковым словом».

При Лопухине Дмитриев был награжден орденом Св. Анны 2-й степени, однако в списке он значился после цензора книг, что очень задело впечатлительного поэта. «При всей скромности, — писал Дмитриев, — позволительно мне думать, что труды его были не важнее моих и, вероятно, не слишком изнуряли телесные и умственные его силы». Самолюбие Дмитриева было еще уязвлено и тем, что другие обер-прокуроры — Рындин и Козодавлев, получили не только ордена, но и по нескольку тысяч десятин земли по выбору в лучших местах. От их продажи они выручили по сто тысяч рублей. Дмитриев же, по его признанию, имел всего три тысячи рублей годового дохода, из них одну тысячу присылал ему отец. Дмитриев понял, что с его «свойствами» он не может рассчитывать на дальнейшее продвижение по службе.

В декабре 1799 г. неожиданно для генерал-прокурора А.А. Беклешова Дмитриев подал в отставку. Начальник стал отговаривать его, намекнув между прочим, что вследствие холодности к нему, то есть Беклешову, императора, он не сможет выхлопотать для Дмитриева «пенсион». Но это не смутило Ивана Ивановича, и он твердо настаивал на увольнении со службы. 30 декабря 1799 г. Дмитриев получил отставку, причем не только с «пенсионом», но и с чином тайного советника.

Дмитриев поселился в Москве. Он купил у профессора Московского университета К.Г. Лангера за пять тысяч восемьсот рублей деревянный домик с маленьким садом в приходе Харитония, в Огородниках, недалеко от Красных Ворот. Переделав дом по своему вкусу и украсив комнаты эстампами, соорудив хорошую библиотеку, он «возобновил авторскую жизнь».

Отставной обер-прокурор наслаждался отдыхом: с весны до глубокой осени обхаживал свой сад, читал «под густою тенью двух старых лип», часто выезжал на дрожках за город «любоваться живописными окрестностями», «хаживал по разным частям города».

Почти ежедневно он виделся и вел увлекательные беседы с Карамзиным, встречался с Козлятевым, уже ставшим генералом и вышедшим в отставку. Нередко Дмитриев посещал директора Московского университета Ивана Петро-

вича Тургенева и поэта Михаила Матвеевича Хераскова. В эти же годы он тесно сближается с поэтами В.А. Жуковским, В.Л. Пушкиным и близко сходится с его братом Сергеем Львовичем Пушкиным (отцом Александра Сергеевича Пушкина), жившим неподалеку от него.

Иногда дома Дмитриев устраивал литературные вечера. В Москве за ним прочно закрепилось название «русского Лафонтена». Первые свои басни И.А. Крылов принес именно к Дмитриеву, который был от них в восторге и сразу же отдал в печать. Они были помещены в «Московском зрителе» в 1806 г. Издатель дал к ним такое предисловие: «Я получил сии прекрасные басни от Ивана Ивановича Дмитриева. Он отдает им справедливую похвалу и желает, при сообщении их, доставить и другим то удовольствие, которое они принесли ему».

Несмотря на «отдохновение» от службы, непосредственно творчеством Дмитриев занимался мало. За семь лет он написал лишь несколько басен и небольших стихотворений.

В.А. Жуковский

С.Л. Пушкин

Гораздо большее внимание он уделил изданию своих сочинений. В 1803—1805 гг., как бы подводя итоги литературной деятельности, он издал три тома своих стихов и басен.

СЕНАТОРСКИЕ РАССЛЕДОВАНИЯ

В то время студент и начинающий литератор С.П. Жихарев записал в своем дневнике за 12 января 1805 г.: «Говорят о назначении И.И. Дмитриева сенатором. Дай Бог! Кроме таланта, неллицеприятен, не подвержен ничьему влиянию».

Слухи эти подтвердились только через полтора года, когда молодой император Александр I, хорошо знавший и уважавший поэта, вновь призывает его на службу, назначив в августе 1806 г. сенатором 7-го департамента Правительствующего сената. Тот же Жихарев 25 августа отметил в

дневнике: «И.И. Дмитриев пожалован сенатором; я ездил его поздравить и нашел у него Н.Н. Бантыш-Каменского, которому он меня рекомендовал».

В качестве сенатора Дмитриев с успехом выполнил ряд личных и ответственных поручений государя. Одно такое дело заключалось в следующем. К Александру I обратились с прошением купец Пафнутьев и крестьянин Уфимцев, занимавшиеся винным откупом в Рязанской губернии. В нем они жаловались на злоупотребления содержателей питейных сборов. В начале 1808 г. император поручил разобраться в этом деле Дмитриеву. Тот не медля ни минуты выехал в Рязань. В то время рязанским губернатором был А.И. Муханов. Содержали же там питейные откупа дворяне Татищев, Мещерский, Бахметьев и Бестужев-Рюмин.

Прибыв на место, Дмитриев сразу же потребовал от администрации главной питейной конторы хозяйственную книгу, именуемую на немецкий лад «гросс-бухом». Чиновник, отвечавший за ее ведение, заявил, что книгу уничтожили «за ненадобностью». Тогда в присутствии одного из откупщиков, Татищева, сенатор внимательно осмотрел в питейной конторе все ведомости и журналы. Наряду с этим, он «тайным образом» направил надежных чиновников «свидетельствовать» все уездные питейные конторы. В результате им было выявлено много различных злоупотреблений. В частности, в бумагах главной конторы оказалась даже расписка на получение пяти тысяч рублей обер-секретарем I-го департамента Сената.

Следствие продолжалось почти четыре месяца. 16 апреля 1808 г. Дмитриев направил Александру I подробный доклад, а министру юстиции Лопухину — экстракт о результатах своего расследования, после чего вернулся в Москву. Здесь он вскоре узнал, что собранные им материалы переданы для подготовки сенатского решения тому самому обер-секретарю, который брал деньги в питейной конторе. Дмитриев возмутился и написал об этом факте обер-прокурору Сената графу Орлову. Только после этого материалы следствия были переданы другому обер-секретарю.

Хотя собранные Дмитриевым доказательства недвусмысленно изобличали откупщиков в злоупотреблениях, привлечь их к ответственности не удалось — они имели слишком высоких покровителей. Сенат признал виновными только двух конторщиков, писаря и несколько других мелких чиновников, которые и были отданы под суд уголовной палаты. В отношении откупщиков в сенатском решении было отмечено: «Поелику двое главных конторщиков, со-

знаваясь в некоторых злоупотреблениях, объявили, что оные попущены были конторою без ведома содержателей откупа, то Сенат и не входит об них ни в какое суждение».

Это решение было доложено обер-прокурором Орловым Александру I, и тот распорядился обнародовать его «сколько для примера, столько для страха чиновникам и откупщикам».

В связи со следствием по этому делу Александр I написал Дмитриеву 25 октября 1808 г.: «Видя из донесения вашего ко мне, сколь успешно произведено вами в Рязанской губернии следствие о злоупотреблениях, происшедших по тамошнему винному откупу, и признавая в полной мере ревность вашу к службе и исполнению моих повелений, я обязываюсь изъявить совершенное мое благоволение».

В начале ноября того же года Александр I, через министра юстиции Лопухина и министра внутренних дел Куракина, поручил Дмитриеву новое ответственное задание — «исследовать втайне» поступки костромского губернатора Пасынкова, на которого поступил анонимный донос. Для прикрытия этого следствия, в Сенате был объявлен указ об отправлении Дмитриева для «обревизования» Костромской губернии.

Иван Иванович и на этот раз, не мешкая, выехал в Кострому и приступил к «обозрению» губернии. Начал он с правления и судебных мест, где оказалось много нарушений. Затем побывал в городах Чухломе и Галиче, проверив там работу судов. Это следствие заняло около месяца. Вернувшись в Москву, Дмитриев направил отчет императору и обоим министрам. По мнению Дмитриева, многие факты, указанные в анонимном письме, оказались «справедливыми», надзор губернского начальства за делами был крайне слабым. Во время следствия некоторые лица, в частности, капитан-исправник, секретарь и заседатель Галицкого земского суда, секретарь Чухломского уездного суда, пытались обмануть Дмитриева, дав ему ложные объяснения и учинив в документах подлоги. За это он отдал их под суд.

За проведенное расследование Дмитриев был награжден орденом Св. Анны I-й степени.

«Я УГОДНИК ОДНИМ ЗАКОНАМ»

В декабре 1809 г. Иван Иванович Дмитриев был вызван в Петербург к императору, чтобы «изъясниться», как отмечалось в письме, о предметах, в которых опыт его может быть полезен государству. Когда он прибыл в столицу, ему

был предложен пост министра юстиции и генерал-прокурора вместо вышедшего в отставку П.В. Лопухина. Дмитриев согласился.

Именно в этот период времени происходит дальнейшее преобразование системы министерства. Образованные вначале по Высочайшему манифесту от 8 октября 1802 г., министерства имели ряд существенных недостатков, а их деятельность не вполне увязывалась с другими высшими государственными органами, в частности, Правительствующим сенатом. Некоторые близкие ко двору сановники, такие как граф Воронцов, бывший в то время посланником в Лондоне, считали, что министры злоупотребляют доверием государя, своими докладами «с глазу на глаз» часто вводят его в заблуждение, и что при сохранении такого положения никакой контроль за ним становится невозможным. Он был активный сторонник коллегиального управления министерствами.

В 1810 г. М.М. Сперанский представил Александру I обширный доклад, в котором он, глубоко проанализировав все недостатки деятельности министерств, предлагал целый ряд мер, направленных на их устранение и совершенствование работы министерства. Вследствие этого, манифестом от 25 июля 1810 г. «О разделении государственных дел на особые управления, с означением предметов, каждому управлению подлежащих», было определено пять сфер министерского управления: внешние сношения, устройство внешней безопасности, государственная экономия, устройство суда гражданского и уголовного и устройство внутренней безопасности.

Эти сферы управления были разделены между восемью министерствами: иностранных дел, военным, морским, финансов, внутренних дел, народного просвещения, полиции и юстиции.

Таким образом упразднялось министерство коммерции, дела которого были переданы министерству финансов, и образовывалось новое — министерство полиции. На правах министерств были выделены также главные управления путей сообщения, главное управление духовных дел разных исповеданий, государственное казначейство и ревизия государственных счетов (государственный контроль).

Разделение сфер высшего управления между министерствами было закреплено манифестом 25 июня 1811 г. об «Общем управлении министерств». Этот закон состоял из двух частей: «Образование министерств» и «Общий наказ министерствам».

С.Р. Воронцов

Манифестом 25 июня на министерство юстиции была возложена задача по управлению всей системой суда и прокуратуры. «Все, что принадлежит к устройству судебного порядка, составляет предмет министерства юстиции», — отмечалось в нем.

В разделе «Образование министерств» довольно полно регламентированы предметы занятий каждого министерства, управление и состав министерств и департаментов, учреждение Советов при министерствах, порядок назначения, увольнения, производства в чины и награждения служащих, производства дел, проведения ревизий, представления отчетов и тому подобное.

В разделе «Общий наказ министерствам» определялись степень и пределы власти министров и их товарищей, отношение их к разным установлениям и присутственным местам, сношение министров с другими учреждениями и должностными лицами, им равными, действия министров по

руководству подчиненными органами, ответственность министров и их товарищей, пределы власти директоров департаментов, обязанности канцелярий, права и обязанности чиновников и так далее.

Министр юстиции, например, вправе был назначать, перемещать и увольнять всех лиц судебного ведомства и прокуроров, учреждать и упразднять суды, осуществлять надзор за работой всех подчиненных присутственных мест и лиц. Он обязан был «взыскивать от них ответы в случае бездействия или неправильного исполнения», принимать все необходимые меры, «нужные к действию законов или учреждений», предавать виновных суду «в случае важных преступлений».

Дмитриев довольно скоро понял необходимость проведения кардинальных преобразований в руководимом им министерстве. Правосудие и прокурорский надзор находились тогда не в самом лучшем состоянии. В своих воспоминаниях «Взгляд на мою жизнь» он писал: «При первом обзоре всех частей моего министерства, я уже видел, что многого недостает к успешному ходу этой машины: излишние инстанции, служащие только проволочке дел и в пользу ябеднических изворотов; недостаточность в назначении сумм на содержание судебных мест, особенно ж палат гражданской и уголовной; определение чиновников к должности большею частью наудачу, по протекции или чрез покровительство; неравенство в жалованье и производстве в чины».

Особую тревогу вызывал у Дмитриева личный состав многих судебных и прокурорских мест, причем, не только в губерниях. По его мнению, с «беспечностью» определялись в Сенат даже прокурорские чины, не говоря уже о секретарях. Обер-прокурорами назначались преимущественно молодые люди из придворной или военной службы, по виду благовоспитанные, но совершенно неискушенные и некомпетентные в делах. К тому же они часто стремились лишь к «снисканию выгодных связей и покровительства для получения знаков отличия» и мало думали об интересах службы.

В обер-секретарский состав нередко попадали лица совершенно невежественные, не умевшие «порядком составить даже и неважного определения». «Какая разница между старыми и нынешними секретарями! — восклицал Дмитриев. — В 60-х и 70-х гг. XVIII столетия обер-секретарь Крамаренков переводил Монтескье «О духе законов», а Богаевский — Юстия «О благосостоянии царств». Последнего из них, бывшего уже в глубокой старости, Дмитриев еще застал в Сенате.

Дмитриев энергично принялся за преобразования. Он первым делом устранил из министерства и из канцелярии генерал-прокурора чиновников, которые только числились на службе, получали чины и награды, но не были обременены обязанностями. Особое внимание он обратил на правильную организацию дел в департаментах Правительствующего сената.

Например, 2-му департаменту он поручил ведение всех гражданских дел, возникающих по войсковой канцелярии Войска Донского, уголовные и следственные дела разделил между I-м и 2-м отделениями 6-го департамента. Были установлены им также и некоторые новые правила слушания дел в Сенате. В частности, по вопросу подачи сенаторами своих «мнений», о решении уголовных дел, о составлении докладов, подносимых от Сената императору, о всеподданнейших рапортах о результатах рассмотрения дел в судебных палатах, начатых по Высочайшим указам, об обязательном направлении на ревизию Сената приговоров уголовных палат «о лишении доброго имени подсудимых, украшенных медалями с изображением портрета Его Величества». Все эти новшества Дмитриев ввел в первый же год своего генерал-прокурорства.

С самого начала своей деятельности на этом посту он дал понять сенаторам, что будет постоянно стоять на страже закона и ни при каких условиях не отступит от лежащих на нем обязанностей. «Я остерегался преждевременно вмешиваться в дела сенатских департаментов, — признавался Дмитриев, — но старался только уверить сенаторов и обер-прокуроров, что я угодник одним законам и ни в каком случае не убоюсь охранять их».

Первые два года Александр I был довольно благосклонен к своему министру, хотя и не осыпал Дмитриева своими милостями, как других вельмож. В отличие от остальных сановников, находившихся при дворе, Дмитриеву приходилось самому напоминать о своих заслугах. Его племянник, М.А. Дмитриев в записках «Мелочи из запаса моей памяти» приводит интересный разговор, состоявшийся между Александром I и Дмитриевым. Дело в том, что будучи министром юстиции он имел всего лишь одну Анненскую ленту. Как-то раз, после очередного доклада дела, Дмитриев сказал императору: «Простите, Ваше Величество, мою смелость и не удивитесь странности моей просьбы». — «Что такое?» — спросил Александр I. — «Я хочу просить у Вас себе Александровской ленты», — сказал Дмитриев. — «Что тебе вздумалось?» — с улыбкой спросил император. —

«Для министра юстиции нужно, Государь, иметь явный знак Вашего благоволения: лучше будут приниматься его предложения».

Дмитриева, конечно, волновала не сама награда, хотя он и видел, как их раздавали направо и налево лицам, не имевшим и малой толики заслуг. Орден был нужен ему, чтобы чувствовать себя увереннее и тверже.

Вскоре после этого разговора, 30 августа 1810 г., он был награжден орденом Св. Александра Невского.

Встретив однажды Дмитриева, Александр I спросил: «Что? Ниже ли кланяются?» — «Гораздо ниже, Ваше Величество», — ответил Дмитриев.

Доклады министра юстиции по конкретным делам заставляли иногда содрогаться императора. Так, однажды Дмитриев принес на утверждение приговор по делу о жестоком обращении одной помещицы с крепостной девушкой, которая, не выдержав изощренных истязаний, умерла. Слушая министра, Александр I воскликнул: «Боже мой! Можем ли мы знать все, что у нас делается! Сколько от нас закрытого, мы и вообразить этого не можем!» И император утвердил приговор, даже не смягчив по своему обыкновению его.

У Дмитриева, как у министра юстиции и генерал-прокурора было много хороших идей о наилучшем устройстве судебной и прокурорской частей. Но не по его вине до их осуществления дело, как правило, не доходило. Многие прогрессивные идеи не нашли поддержки у императора. Время оказалось очень тревожным — надвигалась война с Наполеоном. Правительству было не до преобразований.

Дмитриев, например, признавал весьма полезным учреждением в России училищ законоведения, куда можно было бы принимать не только дворянских, но и купеческих, и мещанских детей. По его мнению, уже через десять лет после этого можно было бы установить правило, чтобы «никого из стряпчих не допускать к хождению по делам без одобрительного свидетельства от одного из сих училищ. Таким образом, — писал Дмитриев, — невежество и ученичество мало по малу истребилось бы между судьями и приказными служителями, да и самые стряпчие были бы поставлены в необходимость усовершенствовать себя в законоведении и учиться грамматическим правилам отечественного языка».

Училище правоведения для подготовки чиновников судебного ведомства было образовано только в 1835 г. Через

него прошло много юристов, впоследствии блиставших на судебном и прокурорском поприщах.

По инициативе Дмитриева было принято несколько важных узаконений, в частности, в 1811 г. было запрещено совершать крепости и письменные сделки на имения лиц, не имевших права владения недвижимым имуществом, а в 1814 г. — составлять крепостные акты на покупку личными дворянами крестьян и дворовых людей.

Дмитриев всегда поддерживал добросовестных работников, не уставая «испрашивать» для них награды и чины. Вот что рассказывал племяннику Дмитриева, поэту и публицисту М.А. Дмитриеву, сенатор Штер. Будучи губернатором, при очередной ревизии присутственных мест, он в одном из уездных судов нашел только три дела. Это его изумило, так как обычно суды бывали завалены делами, часто «заволокиченными». На вопрос Штера, что все это значит, судья, покрасневшись, отвечал: «Я, ваше превосходительство, стараюсь все дела оканчивать миром. Здешние господа дворяне и другие жители имеют ко мне доверенность, и потому почти все дела кончаются подачею мирового прощения». Штер просмотрел «настольные» книги, в которых отмечалось движение дел, расспросил дворян и убедился, что все это правда. Он официально доложил об этом судье Дмитриеву как министру юстиции. Тот представил доклад императору, и вскоре судья получил орден Св. Владимира 4-степени.

Как министр юстиции Дмитриев был очень доступен. Поэт и драматург Михаил Николаевич Макаров писал, что когда он узнал о назначении Ивана Ивановича министром, то захотел непременно поступить к нему на службу. С этой целью он и приехал к Дмитриеву, хотя лично его почти не знал. «Ни один вельможа так приветливо не принимал, как принял меня Дмитриев, — вспоминал он позднее. — Вход к Дмитриеву был легок, швейцар, добрый немец, никого не останавливал, лакеи никого не держали за полу и не просили на чай».

Особенно трудно пришлось работать Дмитриеву во время Отечественной войны 1812 г. Война принесла ему множество новых забот и неотложных дел как по Сенату, так и по министерству юстиции. Работать приходилось очень напряженно. В числе забот министра юстиции и генерал-прокурора Дмитриева, как указывает в своем исследовании о деятельности министерства юстиции в годы войны Л.Сухоцкий, были такие вопросы: немедленное обнародование манифестов и указов чрезвычайной важности; подготовка рас-

поряжений по перемещению, временному устройству и восстановлению подведомственных учреждений в областях, подвергшихся нашествию; установление режима военного положения; восстановление порядка и оказание содействия жителям местностей, пострадавших от неприятеля; обеспечение рекрутских наборов и формирование, при содействии гражданских властей, воинских частей и ополчения; надзор за соблюдением интересов казны, борьба со злоупотреблениями при поставке продовольствия и имущества для военного ведомства; обнародование указов о награждении военных и гражданских лиц за отличия в сражениях и тому подобные.

К генерал-прокурору регулярно поступали донесения губернских прокуроров по всем возникавшим судебным и административным делам и о чрезвычайных происшествиях, о которых он представлял доклад императору. Немало забот доставил и переезд московских департаментов Сената в Казань. Не хватало людей, так как многие чиновники Правительствующего сената и министерства юстиции, проявляя патриотические чувства, вступали в действующую армию или в народное ополчение.

19 июля 1812 г. главнокомандующий в Санкт-Петербурге С.К. Вязмитинов сообщил министру юстиции Дмитриеву о том, что Комитетом министров «статским чиновникам, при должностях находящимся дозволено вступать в ополчение, в котором должны они употреблены быть соответственно чинам их». В соответствии с этим Дмитриев приказал директору департамента министерства юстиции графу Сергею Петровичу Салтыкову и обер-прокурорам Сената объявить чиновникам, чтобы желающие вступить в ополчение явились бы к М.И. Кутузову. При этом директор департамента и обер-прокуроры должны были снабдить добровольцев свидетельствами о том, что «начальство разрешает им вступить в ополчение».

Так как добровольцев оказалось очень много, то, чтобы не парализовать работу министерства и Сената, спустя три дня Дмитриев предложил Салтыкову и обер-прокурорам представить ему списки чиновников-добровольцев и только после его утверждения выдавать им соответствующие свидетельства.

Замещение в Сенате вакансий Дмитриев предоставил обер-прокурорам «по совету с соответствующими начальниками экспедиций», с тем, чтобы, «с одной стороны, за отсутствием означенных служителей не выходило остановки в течении дел по канцелярии Правительствующего сената,

а с другой — чтобы и усердие их не осталось без внимания».

По подсчетам Л.Сухоцкого, из министерства юстиции и канцелярии генерал-прокурора вступили в ополчение 73 человека.

Так, вскоре после Высочайшего манифеста, призывавшего все сословия на борьбу с врагом, обер-прокурор Сената А.З. Хитрово был назначен членом экономического комитета Санкт-Петербургского ополчения, причем он продолжал выполнять свои обязанности и по Сенату. Вступили в армию и в ополчение обер-прокуроры Дмитриев-Мамонов и Санти, причем последний сделал это без ведома генерал-прокурора, чем вызвал большое недовольство Дмитриева.

За проявленную храбрость в войне с французами были награждены чиновники министерства юстиции: коллежский регистратор Ф. Вернер, сенатский регистратор П. Ильиченко, коллежский ассесор Хмельницкий и другие.

Многие чиновники жертвовали на нужды армии свои сбережения и жалованье. А.З. Хитрово, например, написал прошение о том, что все получаемое им жалованье до конца войны он передает на нужды военного ведомства, за что и удостоился Высочайшей признательности.

А вот какой рапорт подал 15 июля 1812 г. канцелярист общего собрания Сената титулярный советник Третьяков: «Вследствие Высочайшего Его Императорского Величества манифеста в 6-й день сего июля состоявшегося, на истребление врагов России, не имея чем более жертвовать, кроме получаемого мною жалованья, из трехсот рублей в год состоящего, представляю и оное с I-го числа настоящего июля чрез целый год».

Дмитриев доложил об этом рапорте императору, после чего поручил обер-прокурору уведомить Третьякова, что «Его Императорское Величество, усматривая из представленного ко мне отзыва его, Третьякова, что он кроме сего жалованья никакого состояния более не имеет, Высочайше повелеть соизволил: оставить оное при нем по-прежнему, изъявив ему, Третьякову, Его благоволение за похвальный подвиг, который оказал он готовностью принести на пользу отечества получаемое достояние».

На нужды армии пожертвовали треть получаемого в год жалованья чиновники Сената И. Земщенин, П. Пясковский, П. Карнеев и многие другие.

Однако вскоре после начала войны Дмитриев уже не смог лично докладывать дела императору, который часто отлучался в армию. По этому поводу он писал позднее: «С

1812 г. министры юстиции и внутренних дел лишились прежнего преимущества иметь два раза в неделю личный доклад государю. Все дела поступали в Комитет министров, а оттуда в Государственную канцелярию, которой управлял граф Аракчеев. С того времени он вошел в большую силу; за исключением дипломатической и военной части, влияние его простиралось на все дела, не только светские, но и духовные, словом, он сделался почти первым министром, не имея на себе ответственности оного... Мне легче было расстаться со своим местом, чем занимать оно с потерянными прав своих и возможностями быть вполне полезным».

Исполняя генерал-прокурорские обязанности, Дмитриев очень часто обращал внимание Комитета министров на допускаемые этим высшим органом управления отступления от закона и установленного порядка при решении дел. Особенно часто это касалось вопросов подряда, которые иногда не вызывались необходимостью военного времени. Своей принципиальной позицией Дмитриев восстановил против себя многих членов Комитета и, в особенности, статс-секретаря Молчанова, который стал откровенно противодействовать генерал-прокурору.

Довольно часто повторялись случаи, когда члены Комитета, вследствие личной нерасположенности к Дмитриеву, жертвовали интересами правосудия и допускали явное нарушение закона. В этих условиях Иван Иванович, постоянно натываясь на глухую стену непонимания, не нашел другого выхода, как подать прошение об отставке. Однако император на этот раз отставку не принял, а лишь предоставил ему отпуск на четыре месяца. Дмитриев передал исполнение своих обязанностей сенатору А.У. Болотникову.

Кратковременный отпуск ничего не изменил. Вернувшись на службу, Дмитриев встретил все то же враждебное отношение со стороны высокопоставленных государственных чинов и к себе лично, и к закону. Особенно обострились его отношения с приближенными к императору вельможами после того, как при обсуждении в Правительствующем сенате вопроса о новых условиях откупа, Дмитриев вместе с министром финансов стал активно отстаивать интересы государства и казны от алчных и своекорыстных откупщиков, среди которых выделялся некий Перетц.

На министра юстиции посыпались жалобы и доносы. В конце-концов, окружение Александра I сделало свое дело, император стал открыто выражать Дмитриеву свое «неблаговоление».

Дмитриев снова подал прошение об отставке. 30 августа 1814 года отставка была принята. Управление министерством юстиции, по рекомендации Дмитриева, было временно поручено сенатору Алексею Ульяновичу Болотникову. Ему Дмитриев оставил письмо, в котором, объясняя причины своей отставки, писал: «Таким образом я Вас делаю душеприказчиком моей чести».

Дмитриев пробыл на посту министра юстиции и генерал-прокурора немногим более четырех с половиной лет. Он не сумел сделать всего, что задумал.

«И ДРУЖБА И СОСТРАДАНИЕ ПОДЧИНЕНЫ ЗАКОНАМ»

Отставка Дмитриева продолжалась недолго. Уже в августе 1816 г. он был назначен на новую ответственную должность — председателем Комиссии для рассмотрения просьб, подаваемых на Высочайшее имя от жителей, разоренных неприятелем.

Согласно рескрипту Александра I, данному московскому военному губернатору, Комиссия должна была помогать только тем лицам, которые не получали жалованья и не имели пропитания. Дмитриев исполнял это указание чрезвычайно строго. Когда к нему в октябре 1816 г. обратился его знакомый В.В. Измайлов с просьбой помочь в получении пособия одной женщине, Дмитриев написал ему: «Могу вас уверить, что я всею душою рад быть орудием монарших благотворений, а потому и покровительствуемая вами может надеяться получить в них участие, если по состоянию своему будет подходить под правила, которые даны в руководстве Комиссии. В противном же случае мне остается только сожалеть, что и дружба и сострадание подчинены законам».

Известно, что Дмитриев старался помочь также тетке А.С. Пушкина, Анне Львовне, потерявшей свое имущество во время нашествия Наполеона. За непродолжительное время Комиссия рассмотрела свыше 20 тысяч прошений, поданных на имя императора. 15 тысяч обездоленных войной людей получили от Комиссии пособие. В этом была немалая заслуга председателя Комиссии Дмитриева.

В 1818 г. Дмитриеву наконец-то был пожалован чин действительного тайного советника, а спустя год он получил орден Св. Владимира I-й степени. Вскоре после этого

он совершенно отошел от государственных дел и стал заниматься исключительно литературным трудом.

Еще до своей отставки с поста министра юстиции Дмитриев подумывал о «приготовлении приюта для своей старости». С этой целью он купил в Москве так называемое «погорелое место», недалеко от Тверского бульвара и Патриаршего пруда, на Спиридоньевской улице, где, как писал Дмитриев, «тишина и нет суетливой торговли». Там он построил большой дом, проект которого сделал архитектор А.Л. Витберг. Здесь же был разбит великолепный сад, за которым поэт лично ухаживал.

В этом доме Дмитриев прожил последние 23 года своей жизни. Вот как описывает М.А. Дмитриев жизнь своего дяди в Москве: «Привыкнувши с молодости к природе, простоте жизни и деятельности, Иван Иванович Дмитриев вставал очень рано, сам варил себе кофей, потом немедленно одевался. Редко, очень редко мне случалось заставать его в шлафроке, и то разве тогда, когда он был нездоров. Всякий день он ходил пешком, и ходил много. Этой ранней привычки он не оставлял даже и тогда, когда он был министром: у него на все доставало времени. В Москве, в своих прогулках, нередко вслушивался он в разговоры людей простого народа и сам вступал в речь с ними. Иногда он приносил из этих прогулок очень верные замечания и черты народного характера, которые он умел рассказывать с неподражаемым искусством! Его шутка, сопровождаемая всегда важным видом, была необыкновенно метка и забавна. — Читал он очень много; следил постоянно за происшествиями своего времени и за литературою. Садоводство, или лучше сказать зелень деревьев и луга английского сада, — это было его страстию! Другая его страсть были эстампы лучших мастеров».

Семьи у Ивана Ивановича не было. В доме постоянно проживали родственники. Слуг было мало. Один из них, Николаев, ведал обширной библиотекой поэта.

Дом Дмитриева стал своего рода достопримечательностью Москвы. Сюда приходили писатели и поэты, артисты и художники, профессора и политики. Здесь часто бывали П.А. Вяземский, написавший обстоятельную биографию Дмитриева, опубликованную в 1823 г. в собрании сочинений Ивана Ивановича, Н.В. Гоголь, В.А. Жуковский, А.С. Пушкин, М.П. Погодин и многие другие. Дмитриев вел обширную переписку с друзьями, проживавшими в Петербурге.

М.П. Погодин

В последние годы жизни Дмитриев писал свои записки «Взгляд на мою жизнь», впервые опубликованные в 1866 г. Участник литературного общества «Арзамас», знакомый Дмитриева Филипп Филиппович Вигель вспоминал: «Любил он немногих, зато любил их горячо; прочим всегда желал он добра; — чего еще требовать от человеческого сердца?»

А вот что писал историк и писатель М.П. Погодин, часто встречавшийся с Иваном Ивановичем, бывавший у него дома, имевший долгие беседы с поэтом: «В доме у него собирались все литераторы. Приезжие из Петербурга считали обязанностью засвидетельствовать ему свое почтение. Он был очень гостеприимен. Молодые люди, показавшие расположение к словесности, имели к нему доступ и находили покровительство».

Однако были у Дмитриева и недоброжелатели. Они оставили несколько иную характеристику этого замечательного поэта и государственного деятеля.

Вот что пишет о нем И.М. Долгоруков в своей книге «Капище моего сердца». В свое время, в молодости, они были близкими друзьями. Оба любили литературу и поэзию. Они ходили друг к другу без «особых приглашений», читали свои стихи, беседовали о литературе. В дальнейшем их

пути разошлись, а отношения стали натянутыми. Долгоруков дает Дмитриеву такую характеристику: «Он умел ковать железо, когда горячо, и совсем ко мне переменялся. Я простил ему холодность одну; но он, когда начались у меня неприятности с правительством по службе, старался вредить, обходился со мной надменно и сурово, насмехался над моим несчастьем и делал мне такие язвительные обиды, коих я вечно не забуду».

По мнению Долгорукова, они «из хороших друзей в юности сделались под старость скрытыми ненавистниками друг друга». «О нем я могу сказать, — писал Долгоруков, — что он стихотворец чистый, приятный, мастерский, но никогда не назову его ни честным, то есть, по моему праводушным, ни добрым человеком. Сух, холоден, важен и ко всему нечувствителен».

Интересно, что такую же «холодность в обращении», которая несколько отталкивала от Дмитриева малознакомых людей, подмечали в нем и другие, встречавшиеся с ним.

По этому поводу его племянник М.А. Дмитриев писал: «Ответствую на это, что люди хорошего обращения никогда не кидаются на шею, как провинциалы; может быть, некоторым из тогдашнего нового поколения он показался холоден потому, что ровный тон порядочного общества был им в диковинку, то есть они хотели бы не сами ему учиться, а переменить старика».

По отзывам современников, Иван Иванович Дмитриев был высок ростом, осанистый, величавый в походке. В тоне голоса и во всех манерах он всегда напоминал собою бывшего министра. Говорил он басом, очень плавно и протяжно, подчеркивая слова, на которые ему хотелось обратить внимание слушателей. Одевался старомодно: в светлокоричневый или светлосиний фрак со светлыми металлическими пуговицами, часто надевал парик огромных размеров с завитыми буклями. На ногах были башмаки с золотыми пряжками. Изъяснялся он всегда на старый лад, витиевато и красноречиво.

Умер Иван Иванович Дмитриев 3 октября 1837 г.. По свидетельству Погодина, накануне, после обеда, Дмитриев вышел в сад и хотел посадить акацию около кухни, чтобы «заслонить ее с проезду». Тут он почувствовал себя плохо и его привели в комнату. Спустя два дня Дмитриева не стало. Похоронен И.И. Дмитриев в Донском монастыре.

Михаил Петрович Погодин, бывший во время короткой болезни Дмитриева рядом с ним, в своих письмах племян-

нику поэта М.А. Дмитриеву подробно описал последние дни Ивана Ивановича. Так, в письме от 19 октября 1837 г. он отмечал: «В ранге действительного тайного советника он любил литературу; в трех звездах, он приезжал во всякое ученое собрание; министр юстиции, он оставил после себя только шесть сот родовых душ; русский помещик — без долгов; поэт, умолкнувший вовремя; старик, с которым всегда приятно было проводить время, приветливый, ласковый! Да почит в мире прах его, а имя его останется навсегда незабвенным в истории русской литературы!»

Стихи и басни И.И. Дмитриева читают и по сей день. Меньше известна современному читателю государственная деятельность Дмитриева. А жаль! Нашим государственным «мужам» есть чему поучиться у действительного тайного советника Дмитриева. К сожалению, не изданы полностью его интересные записки «Взгляд на мою жизнь». Они публиковались в ряде сборников лишь в извлечениях, причем, преимущественно напечатаны те страницы, в которых рассказывается о литературной деятельности поэта, его встречах с писателями; оставалась в тени его насыщенная деятельность в качестве обер-прокурора, сенатора и, наконец, министра юстиции и генерал-прокурора.